

О. АЛЕКСАНДРОВИЧ

На свою полочку

В издающейся в Москве газете «Коммунистический труд» изредка, хотя и в гомеопатической дозе, уделяющей внимание литературной жизни Москвы, я как-то недавно прочел отчет о состоявшейся в Доме Печати литературной дискуссии, в которой принимали участие В. Маяковский и представители других толков и течений в современной поэзии. И я прочел, что глава Российского футуризма В. Маяковский, разгоряченный нападками на него и на возглавляемое им направление, в конце концов стал грозить своим оппонентам с кафедры кулаками. Кто знает импозантную и монументальную фигуру российского футуриста, тот легко может представить себе особую выпуклость этого зрелища.

Итак, словесная аргументация в защиту себя и своего направления у Маяковского уже кончилась, осталась аргументация угроз своими мощными кулаками. Так все меняется и течет, итак:

Все великое земное
Разлетается, как дым...
Нынче жребий выпал Трое,
Завтра выпадет другим.

А давно ли было то золотое многообещающее время, когда В. Маяковский разгуливал по Москве и появлялся в московских литературных кружках в желтой кофте, садился высоко закинув ногу и говорил со всеми не верящими в его мессианство заносчивым тоном, как говорится, «плюя через губу»!

Давно ли в Москве и в других городах и весях России все было полно толками и разговорами о футуризме и его огромных завоеваниях в литературе! Давно ли, завидев Маяковского в шутовской желтой кофте, чуть не затаив дыхание, восхищенно шептали:

— Вот, вот Маяковский... глава футуристов!..

Давно ли, — ну, это совсем еще недавно, никто из нас башмаков даже не успел износить, — представитель власти рассыпался (теперь он отказался от этого) в похвалах перед московским футуризмом и его главой, делал им всякие (и материальное, и нематериальное) авансы, выносил их на пьедестал, воскурял им фимиам?

И вот все кончилось, все кануло в Лету. У главы футуристов нет больше словесных аргументов, — ему остается грозить своим противникам с кафедры Дома Печати кулаками.

Знающие хорошо главу московских футуристов, его духовную сущность, его субстанцию, всегда, конечно, знали, что такого сорта аргументация может быть близка и сродни. Уже тогда, когда Маяковский вихрем врывался куда-нибудь в желтой шутовской кофте или с людьми почтенными, заслуженными начинал разговаривать на публичных собраниях, «плюя через губу» или извозчичьими словами ругал своих слушателей на литературных выступлениях, можно было легко видеть, что человек с такой субстанцией, такой душевной организацией, когда понадобится, в приемах и средствах не постесняется и себя, что называется, покажет, охулки на руку не положит.

Но этого мало. Всякий, кто мало-мальски сохранял в увлечениях футуризмом и прочими современными измами ясный ум и здравое понятие, мог отлично видеть, что вся эта футуристическая шумиха лопнет, как мыльный пузырь, все это не более, как пуф, очередное литературное кривляние. Появились молодые люди, которые во что бы то ни стало хотят обратить на себя внимание, заставить о себе кричать, говорить, звонить в печати, — и вот они ломают камедь. Им не хочется ждать, когда все придет в свое время, если этому, разумеется, суждено прийти, и вот они выкидывают разные коленца.

Но жизнь не обманешь, истории не проведешь, время на кривой да на коленцах не объедешь. Они придут, возьмут свое и произнесут свой справедливый, строгий и нелицеприятный суд. А Белинский когда-то сказал: каждый человек рано или поздно попадет на свою полочку. Попали и начинают попадать и московские футуристы во главе со своим Маяковским. Дождались и они своего нелицеприятного суда, — суда времени, суда жизни, суда истории. Так как импонировать публике уже больше нельзя, эпатировать буржуа (их даже и нет, они, — ах, далеко уже) тоже, на желтые кофты Горпродукт материи не отпускает, советская власть не поддерживает, словесных аргументов не хватает, то остается одно — в бессилии грозить инакомыслящим

и несогласным кулаками, что, кстати, не так уже противоречит духовной сущности аргументатора.

Разумеется, кое-что подлинное, настоящее — никто об этом не спорит — было и у наших футуристов, у В. Маяковского, но это подлинное, настоящее, это зерно не заслуживало той шумихи, тех бенгальских огней и фейерверков, какие они вокруг себя зажигали. Увы, похвальная скромность давно перестала быть добродетелью нашей литературной молодежи. Но это отсутствие скромности бьет одним своим концом по читателям, другим по самой литературной молодежи, которой в конце концов приходится быстро испивать горькую чашу бесславия, забвения, унижения.

Испивают ее ныне и наши футуристы во главе с своим maître'ом Маяковским. И вот теперь-то они должны взяться за подлинное дело, за настоящий труд, если действительно некоторые из них способны на это. А мы им скажем:

— А ну-ка, покажите то, что у вас есть действительно хорошего и нужного!..

Москва

